

Екатерина МАКАРЕНКО

РЕПРЕССИИ: КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

По материалам Государственного архива Рязанской области

Изучение истории политических репрессий в начальный период существования советского государства на современном этапе может быть основано главным образом на документальных источниках.

Архивные исследования дают возможность составить списки граждан, репрессированных в первые годы Советской власти, и ввести в научный оборот новые факты. Доступные исследователю документы по истории политических репрессий 20-х годов в Рязанской губернии хранятся в фондах Государственного архива Рязанской области (ГАРО) и в фондах отдела по работе с документами партийных и молодёжных организаций ГАРО. Сразу необходимо отметить, что фонды этих архивов не являются единственным и, тем более, полным источником по истории политических репрессий. Достаточно часто удается получить лишь косвенные данные, не имея доступа к непосредственным источникам, до сих пор хранящимся в засекреченных фондах.

Изученные архивные материалы позволили лишь частично воссоздать картину начала политических репрессий в Рязанской губернии в 1920-х годах.

Мы можем говорить о начале политических репрессий в советском государстве с первых месяцев его существования, когда были изданы декреты о монополии нового правительства на власть и созданы первые карательные органы. На протяжении первых месяцев существования Советской власти, когда шло формирование органов управления, параллельно создавались карательные органы во всех городах страны. Отметим, что этот процесс опередил создание уголовного кодекса и даже принятие конституции.

Чрезвычайные комиссии были созданы декретом СНК от 7 декабря 1917 года как органы по борьбе с контрреволюцией в городах, на железных дорогах, в морских и речных портах, в армии.

Первоначально ЧК должны были осуществлять оперативный розыск лиц, виновных в контрреволюционных преступлениях, производить дознание по их делам и передавать дела суду Революционного трибунала¹.

Рязанская губернская ЧК была создана в апреле 1918 года, уездные ЧК были созданы летом 1918-го. Несколько раз в уездах в обстановке приближавшихся военных действий или крупных антисоветских выступлений создавались Военно-революционные комитеты, которые временем брали на себя всю полноту власти, в том числе репрессивные функции.

Рязанская губернская ЧК имела в подчинении несколько отделений:

1. УТЧК – уездная транспортная ЧК;
2. РОВТЧК – районное отделение водной и транспортной ЧК;
3. ОДТЧК – отделение дорожной транспортной ЧК;

4. ОРТЧК – отделение районной транспортной ЧК.

Начиная с осени 1918 года во всех уездах губернии работали уполномоченные ЧК с помощниками для слежки за антисоветскими элементами².

До начала 1921 года Рязанская губернская ЧК имела следующую внутреннюю структуру: общий отдел; секретно-оперативный отдел; юридический отдел; особый отдел (существовал на правах автономного отдела, подчинялся особому отделу при ВЧК).

Общий отдел выполнял хозяйственные и административные функции (до 21 февраля 1921 года носил название секретарского отдела). Секретно-оперативный отдел делился на три части: активная; разведывательная; информационная. Сотрудники информационной части занимались сбором сведений о преступлениях, систематизируя их и передавая дальше по назначению, они должны были устанавливать связь с различными учреждениями, регистрировать преступников и подозреваемых, а также подозрительных. Сотрудники разведывательной части занимались установлением и проверкой факта преступления. Сотрудники активной части предпринимали меры пресечения и предупреждения преступлений. Сотрудники юридического отдела вели следствие. Особый отдел занимался преступлениями военного характера.

Со второй половины 1921 года структура губернских ЧК изменилась. Теперь Рязанская губернская ЧК состояла из двух основных отделов: секретного отдела и следственно-розыскной части. Секретный отдел включал розыскной аппарат с наружной разведкой, оперативную часть, регистрационно-статистическую и информационную часть, а также архивы организации. В следственно-розыскной части состояли: уполномоченный по наружному наблюдению; уполномоченный по партиям и духовенству; уполномоченный по партийным делам; 2 уполномоченных по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должностям; уполномоченный по уголовным делам; уполномоченный по особым делам (охранность топлива, возникновение пожаров, расчистка снежных заносов)³.

В 1921 году в штате Рязанской губернской ЧК числилось 69 сотрудников. На работу в ЧК принимались только члены РКП(б) или кандидаты в члены партии.

Во всех уездах работали представители Рязанской губернской ЧК – уполномоченные секретно-оперативного отдела⁴.

После упразднения ЧК все дела уголовного характера перешли в уголовный розыск. Контрреволюционными делами с этого момента занималось ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление).

Со второй половины 1920 года в губернской ЧК была введена карточная система регистрации заключённых и подследственных⁵.

Во второй половине 1921 года в помощь уездным ЧК были созданы политбюро при уездных милициях⁶. Сотрудники набирались из местных партийных органов. Политбюро осуществляли представительство ЧК и отчитывались

лись перед ней. В штате имели уполномоченного, информатора, следователя и секретаря для ведения общей статистики⁷. В середине 1922 года политбюро были расформированы, вместо них были организованы информационные пункты⁸.

Важной задачей сотрудников ЧК была вербовка новых сотрудников и наблюдателей. В циркулярном письме председателя ВЧК Губкомам РКП(б) от 14 октября 1919г. говорилось: «Чрезвычайные комиссии одни не в силах усомнить за всем контролевольюционным элементом. Здесь должен каждый коммунист положить свои силы, дабы везде на улицах и площадях, в базарах и хвостах, фабриках и заводах были свои уши и свои глаза»⁹.

Основным правилом вербовки осведомителей была полная секретность. Осведомителя не должен был знать никто, кроме лица, его завербовавшего, и соответствующего уполномоченного¹⁰. В докладах и отчётах начала 20-х годов сотрудники ЧК часто отмечали, что завербовать осведомителя достаточно сложно, т.к. совершенно нечем его заинтересовать¹¹.

В декабре 1922 года по приказу заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды в помощь органам ГПУ были созданы части особого назначения республики (ЧОН). Их основной целью являлся сбор сведений и материалов контрреволюционного характера, выявление контрреволюционной деятельности, раскрытие заговоров, антисоветской пропаганды и агитации, выявление настроения народных масс данной местности и сбор прочих сведений, направленных против Советской власти. Осведомители назначались для каждого, даже мелкого, населенного пункта, во все без исключения военные учреждения, заведения и отдельные части, на важнейшие советские и государственные учреждения и предприятия, на фабрики и заводы.

В обязанность губернских ЧК (а затем ГПУ) входило составление информационных сводок о политическом состоянии губернии. Для того чтобы держать ситуацию под контролем, не допускать контрреволюционных выступлений и кулацких восстаний, ЧК (а затем – ГПУ) скрупулёзно собирали информацию о настроениях всех групп населения. Сводки составлялись на основе агентурных данных и докладов уполномоченных из всех уездов губернии и предоставлялись в информационный отдел ВЧК (ОГПУ). Копии отсылали в Рязанский губернский комитет РКП(б), Рязанский губернский Исполком, губернскому прокурору и в управление транспортного и водного отделений ЧК (ОГПУ).

С 1918 по 1921 гг. сводки составлялись каждые три дня. С начала 1922 года постепенно перешли к составлению двухнедельных сводок. Примерный перечень тем сводок был следующим: состояние партийной организации; отношение к партии различных социальных слоёв; наличие других партий, их выступления и влияние на массы; настроения на фабриках и заводах; наличие волнений и забастовок; уровень осведомлённости населения о политике правительства и отношение к ней¹²; деятельность служителей церкви¹³.

Целью составления таких документов было, прежде всего, выявление отношения различных слоёв населения к Советской власти и осуществление общего контроля. Большое внимание уделялось членам других политических партий, большая часть которых находилась под наблюдением ЧК – ГПУ. Под наблюдением находились также священнослужители, принадлежащие к различным религиозным конфессиям.

Помимо обычных, составлялись также экстренные сводки в случаях, когда было необходимо создать общую картину отношения населения к какому-либо событию. Такие сводки составлялись во время судов над членами антисоветских партий, партийных дискуссий, смены руководства страны.

Если кратко суммировать данные сводок о политическом состоянии губернии, то становится очевидным ряд социально-политических и экономических проблем населения этого периода. Крестьянство больше всего волновало: недостаток земли, налоги, принудительное изъятие продуктов, мобилизация. В своём отношении к власти крестьянство оставалось достаточно безразличным. Заметим, что в мемуарной литературе также часты упоминания о том, что в первые годы после революции крестьяне практически не проявляли никакого интереса к вопросу о том, кто им управляет.

«Констатирую политическую безграмотность рабочих, большие занятыми своей индивидуальной жизнью, подчас не интересующихся идеологией социальной революции и легко поддающихсяbole крикунов и мелкобуржуазной стихии. Повсюду можно наблюдать отсталость рабочей массы от передовых идейных товарищ и несознание ими своего революционного долга как рабочих <...> как например, в Спас-Клепиковском уезде рабочие стекольных заводов легко подпалят под влияние бывшего меньшевика, стравившегося среди них окончательно подорвать авторитет коммунистической партии своим возгласами провокационного характера, другие зарегистрированные случаи, вызывающие недовольство рабочих на почве невыдачи продлайка, также характеризуют их обыкновенную физиономию»¹⁴.

В начале 20-х годов политическая пассивность была характерна практически для всех групп населения. Так же как и крестьяне, рабочие и служащие были озабочены более насущными проблемами: недостаток средств и продовольствия, высокий уровень преступности, трудности с поиском работы.

«Отношение к коммунистической партии со стороны населения большей частью безразличное, местами же, где проявляется обыкновенное поведение членов Р.К.П., отношение к ним враждебное.

Постольку поскольку ухудшаются экономические условия, осложняется положение рабочих и крестьян, а также плохое повышение производительности за отсутствием необходимого материала, всё это ставится виной коммунистической партии, среди обыкновенности же вызывает враждебность»¹⁵.

Часто отмечалось, что население, особенно сельское, было вполне благожелательно настроено по отношению к центральной власти, но в то же время имело массу претензий к представителям местной власти, которые старались извлечь из собственного служебного положения максимум выгоды, при этом притесняя и запугивая население.

«Настроение к Совласти хорошее, но к местной власти относится недоверчиво, здесь недовольства я усматриваю только в том: местная власть употребляет очень много самогонки. На почве этой граждане и говорят: "Самогонка стоит 1300 руб., а они, т.е. весь волостной совет, каждый день почти все пьяные, на это нужны большие деньги, а где они берут, мы этого не знаем, а если из нас скажет что-то, Волсовет страшает отправить в Рязань в монастырь»¹⁶, поэтому нам и нельзя ничего сказать в деревне»¹⁷.

Уездная ЧК также получала информацию о неблагонадёжных и контрреволюционно настроенных гражданах из отдела Военной цензуры. Военно-цензурные отделы проводили огромную работу, контролируя практически всю переписку губернии. По официальным отчётом: за 1920 год Рязанским Военно-цензурным отделом было просмотрено 3920400 писем, 154618 заказных писем, 664508 телеграмм. В РязгубЧК было переслано 2072 письма шпионского и контрреволюционного содержания¹⁸.

При перлюстрации отбирались письма, авторы которых выражали хотя бы малейшее недовольство Советской властью, даже если это были вполне справедливые нарекания в адрес представителей местной власти.

«Хочу Вам заметить, у Вас там в волости есть некоторые лица засиделись, обиорократились Советскими буржуями. Пора их вытряхнуть, а то они дискредитируют и себя, и Советскую власть перед крестьянами своими действиями»¹⁹.

На письма такого рода составлялся меморандум, в нем содержались выписки из письма и указание отдела ГПУ, в который направлялся меморандум (контрреволюционный, особый отдел, секретно-оперативная часть, экономический отдел)²⁰.

Военная цензура была засекреченным ведомством. Поэтому, если человек привлекался к ответственности за выраженные в письме «контрреволюционные» мысли, ему никогда не сообщали, откуда было получено письмо и кем оно было задержано²¹.

В своём докладе Губернскому комитету РКП(б) один из сотрудников Рязанской губернской ЧК И.И. Лёвин пишет следующее:

«Насколько плохо поставлена работа в Губчеке, я укажу на следующие два случая, ярко бросающиеся в глаза. В начале августа приходят два мальчика из Губтюрьмы, одному 13, а другому 16 лет, означенные мальчики были сняты с поезда на разъезде "Лесок" как не имеющие учётных карточек и доставлены в Губчека, которая, чтобы разобрать настоящее дело, отправила их в тюрьму, где они сидели три месяца, после чего их из тюрьмы выгнали и когда они пришли в Губчека»²².

Насколько позволяют судить документы, сотрудники губернской и уездных ЧК часто превышали свои полномочия и использовали своё положение для сведения счётов или получения личной выгоды. В уже упоминавшемся докладе И.И. Лёвина говорится по этому поводу:

«Сотрудники, т.е. агенты, комиссары, уполномоченные по уездам подобраны плохие, есть очень малограмотные, которые совершенно не имеют понятия об основных положениях советской власти, не говоря о той тактике Р.К.П., которую нужно лавируя проводить в переживающий момент. Большинство сотрудников ищут, как бы подкопаться под ответственного работника и посадить его в Губтюрьму. Нужно прямо сказать, что ни один сотрудник не гарантирован за то, что его ни за что посадят в тюрьму, и это мнение каждого товарища и работающего в Губчеке»²³.

Одной из форм борьбы с контрреволюцией, применявшейся ЧК, была изоляция граждан в местах заключения без предъявления обвинения и без суда. Эта мера применялась к неблагонадёжным гражданам, которым нельзя было предъявить обвинение, но было необходимо на какое-то время изолировать их от общества. Также эта мера применялась к тем, чья изоляция могла послужить залогом для благонадёжного поведения какой-либо группы (партийная организация, сельское общество), выплаты продналога и

т.д. Это была новая мера, ранее практически неизвестная в дореволюционной России. Фактически это были военнопленные в отсутствие военной ситуации, обвинение не предъявлялось, достаточным основанием для задержания было признание того, что задержанный гражданин – лицо неблагонадёжное по отношению к Советской власти. Сроки заключения также были различны, от 2–3-x дней до неопределённых. Так, в делах некоторых граждан в графу о сроке заключения вносили, например: «До распоряжения»²⁴ или «До окончания гражданской войны»²⁵. Исход такого заключения был так же непредсказуем, как и сам арест. Дело могло быть просто закрыто, возможным было наложение крупного штрафа, в некоторых же случаях дело заложника или социально-опасного превращалось в дело по обвинению и передавалось следственным органам. В арестных домах имелись специальные бланки, куда вписывались фамилия, имя и место проживания заложника и социально опасного.

Формальным поводом для ареста служило то, что арестованный являлся «лицом буржуазного элемента» или «сомнительного происхождения»²⁶ и не мог считаться сочувствующим Советской власти.

Арестованных подследственных содержали в арестных домах или лагере принудительных работ. Вполне возможно, что губернская и уездные ЧК имели также собственные следственные изоляторы.

Судить об отношении к арестованным и задержанным ЧК трудно, обнаруженные к настоящему времени архивные материалы не позволяют сделать это. Описание содержания заключённых (не Рязанской, а соседней Тамбовской ЧК) удалось обнаружить в мемуарной литературе. В своих воспоминаниях о жизни среди крестьян Тамбовской губернии в начале 20-х годов житель Петербурга Л. А. Окнинский описывал пребывание в следственном изоляторе Тамбовской ЧК своего родственника.

«В июне 1918 года был арестован Тамбовской чекой по обвинению в обезоруживании на улицах города красногвардейцев во время эсеровского восстания и заключен в подвал при той же чеке. При аресте у него были отобраны деньги, двое золотых часов, два бриллиантовых перстня, ордена, Георгиевское оружие, вся одежда, белье и вообще все вещи, из которых, разумеется, ничего потом возвращено не было. В подвале вместе с другими одновременно с ним арестованными офицерами он просидел около трех месяцев. Спал на голом, каменном, грязном и сыром полу и умер бы от голода, если бы сердобольные люди не приносили пищи ему и его товарищам по заключению.

Дни проводил вместе с другими арестованными в грязной, тяжелой и противной работе по очистке выгребных ям в городе под надзором грубых и до зубов вооруженных рабочих-красногвардейцев, из которых один имел при себе его Георгиевское оружие, и каждую ночь ожидал своей очереди для вывода на расстрел.

Чистое белье не позволяли принимать от приносивших его. Позволяли это только тем, которые в предстоящую ночь подлежали расстрелу. Поэтому получение чистого белья было равносильно смертному приговору. Родственник мой все три месяца своего заключения провел в том белье, в котором он был арестован. Оно заносилось до невероятности. Одолевали насекомые. Вся одежда от ежедневной, не менее чем десятичасовой в теплое время года работы по очистке выгребных ям пропиталась острым запахом экскрементов, который заключенные приносили с собой в никогда не проветриваемое помещение подвала. Воды для умывания нарочно не давали, чтобы

увеличить тягость заключения. К этому нужно еще добавить частые вызовы по ночам к допросу, который производился грубо и всегда заканчивался угрозой расстрела в случае несознания»³⁷.

Одним из основных карательных органов в этот период были Революционные трибуналы. Революционные трибуналы были учреждены 22 ноября 1917 года в соответствии с декретом СНК РСФСР «О суде»²⁸, подписанным Лениным. Они были созданы с целью рассмотрения дел о контрреволюции и других преступлений против «завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти»²⁹.

До мая 1918 года действовали уездные Революционные трибуналы, декретом от 4 мая 1918 года они были упразднены³⁰. В районы, охваченные крестьянскими восстаниями, посыпалась выездные сессии трибунала.

Приговоры выносились большинством голосов и объявлялись именем РСФСР. Чёткого определения того, какие действия могут считаться преступлениями против завоеваний революции, не существовало. Не были также оговорены меры наказаний за различные преступления. Трибуналам было предложено выносить приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велением революционной совести³¹.

Это вело к произвольности в предъявлении обвинений и определении мер наказания, т.к. критерий «революционной совести» представляется достаточно размытым. Население не имело представления о том, за что можно оказаться на скамье подсудимых и какое наказание понести. Суду предавались за организацию и участие в контрреволюционных выступлениях, за антисоветские высказывания, не признание Советской власти, отказ от исполнения решений советских органов, должностные преступления часто рассматривались как дискредитация Советской власти, что усиливала наказание. Формулировки обвинительных дел свидетельствуют, что под определение «преступления против завоеваний революции» попадали самые разные действия:

«по обвинению телеграфистов в передаче по аппаратам распоряжений контрреволюционного характера»³²;

«по обвинению редактора газеты «Рязанские Известия» в опубликовании ложных сведений»³³;

«по обвинению в хранении Николаевских Керенских денег и серебра в надежде на свержение Советской власти»³⁴;

«по обвинению в скрытии службы в белогвардейской армии»³⁵;

«по обвинению в тормозе работ по изъятию церковных ценностей»³⁶;

«по обвинению в принадлежности к полицейской охранке и в скрытии этого при вступлении в партию»³⁷.

Изучение архивных материалов, главным образом обвинительных дел Революционного трибунала, позволяет судить о масштабе репрессий и выявить основные социальные группы, против которых они были направлены.

Формально применение «революционного насилия» обосновывалось необходимостью подавлять сопротивление врагов революции и рабочего класса. Однако, несмотря на такую формулировку, политические репрессии затронули все социальные группы населения страны. В тюрьмы и концентрационные лагеря вместе с дворянством, буржуазией, кулачеством и духовенством попали тысячи рабочих и крестьян.

Основным классовым врагом в тот момент считались представители привилегированных классов дореволюцион-

онной России. Но не многие из них представляли реальную угрозу Советской власти, более опасными были признаны реальные политические оппоненты – члены других политических партий.

В первые месяцы после Октябрьской революции большой вес в органах местного управления в Рязанской губернии имели меньшевики и правые эсеры. Численность партии большевиков в тот момент была незначительна. К декабрю 1917 года в рядах РСДРП(б) в Рязанской губернии было 1655 человек, около 700 из них находились в губернском и уездных городах³⁸. Вопрос о нахождении у власти не самой многочисленной на тот момент партии нашёл радикальное решение.

За Декретом об аресте вождей гражданской войны против революции от 28 ноября 1917 года, в котором члены партии кадетов объявлялись врагами народа, последовало Постановление ВЦИК от 3 января 1918 г., где говорилось, что: «... всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами»³⁹.

После восстания левых эсеров в Москве 6-7 июля 1918 года левые эсеры и даже бывшие члены этой партии, вступившие в РКП(б), были исключены из всех Советов губерний. С этого момента практически все партии⁴⁰ считались враждебными новой власти в лице РКП(б).

Вскоре все члены политических партий, объявленных антисоветскими, проживающие в Рязани и Рязанской губернии, состояли на учёте в губернской ЧК, за ними велось наблюдение. При любых попытках агитации или партийной работы производились аресты.

1 мая 1920 года в Рязани на митинге в саду Союза металлистов была арестована группа анархистов: Морозов, Топилин, Поварихин, Шевцов, Красавинов, Сафрошкин, Ивакин (имена неизвестны), выступавших с контрреволюционными лозунгами⁴¹. 27 июня группа была окончательно ликвидирована, часть её членов: Поварихин, Лебедев, Сафрошкин, Пыхтин – официально заявили в печати о своём выходе из партии анархистов⁴².

В 1920 году в Рязани на учёте состояло 76 членов партии Народной свободы, 13 членов партии толстовцев. В этом же году было арестовано 8 членов партии меньшевиков. Постановлением губернской ЧК был закрыт магазин толстовской литературы «Истинная свобода» в Рязани.

В Рязанский губернский трибунал неоднократно поступали дела по обвинению граждан в организации и присутствии на собраниях с участием левых эсеров. Так, в августе 1919 г. в трибунале рассматривалось дело по обвинению группы рабочих депо станции Рязань-I в участии в тайном собрании, где слушали прокламацию левых эсеров. Собрание состоялось 29 июля среди рабочих депо станции Рязань-I, проживавших в пос. Мервино. В этот же день в пос. Мервино была организована «антисоветская» демонстрация с лозунгами против мобилизации в армию.

7 августа были арестованы рабочие депо станции Рязань I, проживавшие в пос. Мервино: Абашин Федор Иванович (1900 г.р.); Евстигнеев Александр Фёдорович (1898 г.р.); Манакин Александр Иванович (1893 г.р.); Данилов Гаврил Фёдорович (1900 г.р.) Сухарников Степан Михайлович (1898 г.р.); Жарков Николай Егорович (1896 г.р.). 24 октября были осуждены: Абашин к лишению свободы сроком на 5 лет условно; Евстигнеев, Манакин, Данилов,

Сухарников, Жарков к лишению свободы сроком на 1 год условно. Все с немедленной отправкой на фронт⁴³.

Жёсткие меры предпринимались Советской властью и по отношению к духовенству. Священнослужители оказывались под судом, как правило, по обвинению в нарушении декрета об отделении церкви от государства и антисоветской агитации. В документах об аресте чаще всего присутствует подобная формулировка:

«...как вредный элемент в окружающей среде населения, могущий и спешно, как авторитетное лицо склонить всех своих прихожан к открытому контрреволюционному выступлению против Совета»⁴⁴.

Нарушение декрета об отделении церкви от государства чаще всего выражалось в отказе сдавать метрические книги Волостным советам. Обвинения в агитации против Советской власти, как правило, строились на доносах сельских жителей в следственную комиссию при Волостном совете. Доносили о высказываниях священников на собраниях сельского общества и в церкви по поводу Декрета об отделении церкви от государства, относительно мобилизации и о критике ими органов местной власти.

«Прошение

Прошу Комитет бедноты принять самые интригичные меры к местному священнику Перцеву. Как таковой с начала октября революции ведёт контрреволюционную агитацию против Советской власти, возбуждая прихожан что большевики запрут церковь не допустят совершение таинства в настоящее время переходит от слов к делу»⁴⁵. (Сохранены орфография и пунктуация оригинала – ред.)

Политические репрессии 20-х годов затронули крестьянство в большей степени, чем рабочих и служащих. На почве непопулярных среди сельского населения мероприятий (реквизиция сельскохозяйственных продуктов, мобилизация в армию, обязательные работы на нужды армии, на железных дорогах и т.д.) крестьянские волнения возникали очень часто. Крупнейшие крестьянские выступления прошли: в мае 1918 г. в Сапожковском уезде; осенью 1918 года в Михайловском, Пронском, Сапожковском, Ряжском, Касимовском, Зарайском, Рязанском, Михайловском, Спасском уездах. В ходе подавления выступлений только в Касимовском уезде было расстреляно 150 человек «буржуазии и кулаков»⁴⁶. Весной – летом 1920 года на территории Ряжского уезда действовал крупный отряд дезертиров, численностью до 150 человек под предводительством Афанасьева-Огольцова⁴⁷.

Вопрос о масштабах репрессий 20-х годов достаточно спорен. Нельзя согласиться с точкой зрения, что репрессии 20-х годов были незначительны и затронули главным образом бывшие привилегированные классы страны, духовенство и членов антисоветских партий. Анализ только официальных статистических сведений о работе Рязанской губернской и уездных ЧК показывает, что число арестованных было достаточно велико и около 50% их составляли крестьяне. Только за I месяц с 1 июля по 1 августа 1919 года Рязанской губернской ЧК было заведено 48 дел контрреволюционного содержания, арестовано 323 человека по обвинению в контрреволюции и 29 человек по обвинению в антисоветской агитации, 3 человека за принадлежность к другим партиям⁴⁸.

В августе 1919 года, в связи с появлением белогвардейского отряда под командованием К.К. Мамонтова⁴⁹ в южных районах Рязанской губернии, было арестовано 600 человек по подозрению в переходе на сторону белогвардейцев. Помимо этого, было арестовано 22 человека по обви-

нению в контрреволюции, 25 человек по обвинению в антисоветской агитации и 2 человека за принадлежность к другим партиям⁵⁰.

В сентябре – октябре 1919 года было арестовано 59 человек по обвинению в контрреволюции, 24 человека по обвинению в антисоветской агитации и 35 человек за принадлежность к другим партиям. Было заключено в тюрьму 99 человек, в концентрационный лагерь – 535, расстрелян – 1 человек⁵¹.

Одним из наиболее заметных по «количеству контрреволюционных организаций» и масштабу репрессий был Сапожковский уезд Рязанской губернии. В сводках Рязанской губернской ЧК неоднократно отмечалось существование крупной банды в лесу около села Можары в 1919–1920 гг⁵². Осенью 1919 года в уезде прошли массовые аресты буржуазии. С 4 сентября по 3 октября было арестовано и отправлено в Рязань 69 человек, аресты планировалось проводить «до тех пор, пока вся буржуазия не будет устранена»⁵³. В Сапожковском уезде работали уполномоченные Рязанской губернской ЧК Митрофанов и И. И. Лёвин.

За 1919–1920 гг. Рязанским губернским Революционным трибуналом было рассмотрено: 199 дел по обвинению в контрреволюционной агитации; 210 дел по обвинению в контрреволюционных выступлениях; 22 дела по обвинению в непризнании и оскорблении Советской власти; 45 дел по обвинению в сопротивлении власти и неисполнении распоряжений власти; 39 дел по обвинению в дискредитировании Советской власти (обвинение применялось по отношению к членам РКП(б)); 21 дело по обвинению в распространении ложных слухов, затрагивающих Советскую власть; 7 дел по обвинению в принадлежности к белогвардейским организациям и другим партиям⁵⁴.

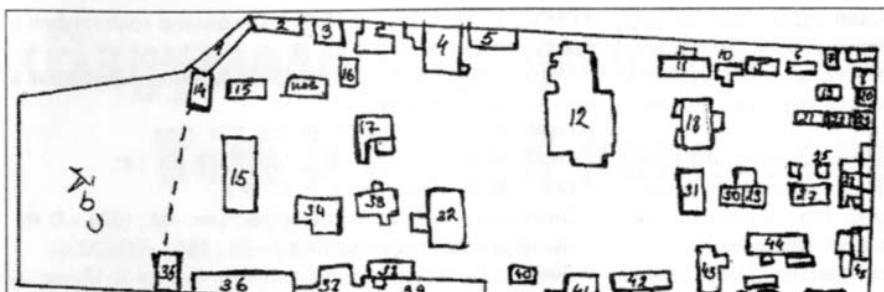
В то же время нужно отметить, что репрессии 1920-х годов носили более мягкий характер по сравнению с грядущим террором 1930 – начала 1940-х гг. Сроки заключения в этот период редко превышают пять лет. Многие осуждённые попадали под амнистию. Приговорённых к расстрелу не так много, хотя мы можем предположить, что большинство расстрелов производилось в это время без суда и следствия, главным образом в районах, охваченных восстанием. Декрет СНК от 21 февраля 1918 года предоставлял ВЧК «право непосредственной расправы с активными контрреволюционерами».

11 апреля 1919 года было принято Постановление Президиума ВЦИК об организации лагерей принудительных работ⁵⁵. 12 мая Президиумом ВЦИК была разработана инструкция о лагерях принудительных работ. Их организация возлагалась на губернские ЧК, размещать их рекомендовалось в черте города или вблизи него, в поместьях, монастырях или усадьбах⁵⁶.

При поступлении заключённого в лагерь заполнялось 3 экземпляра регистрационной карточки. 1 экземпляр отправлялся в Москву в Наркомат внутренних дел, 1 экземпляр подшивался к делу, 1 экземпляр оставляли в регистрационном ящике в лагере⁵⁷.

В уездных арестных домах регистрационные карточки были более простыми по форме и включали только сведения о месте рождения и месте жительства, семье, профессии, дате ареста заключённого и органе, направившем в арестный дом.

Все заключённые пользовались свободой передвижения в пределах территории лагеря, за исключением лиц, сидящих в карцерах. В лагере имелось два карцера, в подвалном этаже с каменным полом.

План Казанского женского монастыря, оборудованного под лагерь принудительных работ⁵⁸.

Лагерь принудительных работ в Рязани начал работу 1 августа 1919 года в здании Казанского женского монастыря⁵⁷. Высокие монастырские стены и кирпичные здания как нельзя лучше подошли для места заключения. На 20 сентября 1919 года в лагере числилось 1076 человек.

Монастырь был построен во второй половине XIX века, располагался на окраине города и занимал целый квартал между улицами Затинной, Монастырской (Фурманова), Владимирской (Свободы) и Вознесенской (Либкнехта).

Часть зданий бывшего монастыря была отведена под квартиры коменданта лагеря и сотрудников, часть зданий занимали красноармейцы, охранявшие заключённых.

Двухэтажные каменные здания: № 4, 5, 6, 18, 31, 33, 34, 40.

Трехэтажное каменное здание № 32.

Одноэтажные деревянные здания: № 7, 8, 9, 10, 11, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 35, 37, 38, 42, 43, 44, 45, 46, 47.

Двухэтажные смешанные (1-й этаж каменный, 2-й этаж деревянный): № 15, 24.

Сараи: № 1, 2, 3, 17, 36, 39.

Баня № 14.

Церковь каменная одноэтажная № 12.

Колокольня каменная четырёхэтажная № 41.

На территории лагеря находились также парикмахерская, сапожная, портновская, белошвейная и ткацкая мастерские. Колокольня, расположенная при входе в монастырь, была занята школой (на плане №41). В восточном углу двора находился огород сотрудников и коменданта.

Комиссия по обследованию лагеря отмечала, что двор лагеря был очень грязным, а две ямы для свалки нечистот находились прямо рядом с казармами для заключённых, что служило источником инфекций⁵⁹.

Осужденные и арестованные на время следствия поступали из Революционного трибунала, губернской ЧК, губернского суда, судебно-следственного подотдела Рязанского губернского отдела юстиции, уездной милиции. Для учёта поступивших и выбывших велись регистрационные книги. На каждого заключённого заводилась специальная регистрационная карточка и личное дело.

Регистрационная карточка заключенного Рязанского губернского лагеря принудительных работ

1. Фамилия
2. Имя и отчество
3. Возраст
4. Происхождение или бывшее звание
5. Профессия
6. Семейное положение
7. Партийность
8. В каком профсоюзе состоит
9. Состояние здоровья
10. Кем осуждён и когда
11. За что осуждён
12. На какой срок
13. Когда истекает срок наказания
14. Сколько раз находился в тюрьме и за что
15. Когда прибыл в лагерь и откуда
16. Когда выбыл и откуда
17. Последнее место жительства заключенного и адрес его ближайших родственников⁶⁰.

В карцер заключённые попадали за попытку побега, за отказ от работ, за симуляцию, а также туда попадали лица, арестованные недавно, перед отправлением в тюрьму. Заключение в карцер полагалось на срок не более 3-х суток.

Работы в лагере начинались с 9 часов утра, заканчивались в 3 часа дня для заключённых, не работающих в мастерских, и в 5-6 часов вечера – для работающих в мастерских. Вечерняя проверка проводилась в 7 часов вечера. Утренняя проверка происходила при распределении на работы, когда партии по счёту сдавали конвоирам.

Охрану лагеря осуществляла карательная рота Уездного военного комитета, общей численностью 194 человека. Они конвоировали заключённых к месту работ и охраняли лагерь. Наружных постов охраны было 6, внутренних 4⁶¹.

Осужденные на принудительные работы занимались уборкой картофеля и соломы, перевозкой сена и доставкой воды, ремонтом домов, выполняли чёрную работу, земляные работы, работали на мельнице, копали могилы для городской больницы, устанавливали телефонные столбы, пилили дрова, убирали помещения,чищили снег и кололи лёд⁶³, работали в саду, занимались заготовкой торфа, разгружали уголь⁶⁴.

В Рязани и во всех уездных городах существовали тюрьмы, куда также направляли осуждённых и находящихся в предварительном заключении. В уездных тюрьмах обычно содержались задержанные или граждане, находящиеся в заключении по постановлению какого-либо административного органа. Сроки пребывания в уездных тюрьмах редко превышали 3-4 месяца. Осужденные на более длительные сроки отбывали наказание в рязанской тюрьме и лагере.

20 февраля 1923 года Рязанский губернский лагерь принудительных работ был расформирован⁶⁵. После расформирования в Казанском храме устроили красноармейский клуб. Позже в стенах монастыря размещалась колония для беспризорников.

От бывшего монастырского комплекса сохранился частично разрушенный Казанский собор, церковь св. Варвары была приспособлена под жилой дом. Монастырский некрополь был практически полностью разрушен.

Таким образом, политические репрессии в России имели достаточный размах уже в первые годы Советской власти. В этот период они были вызваны борьбой новой власти с политическими противниками, как реальными, так и мнимыми. В то же время шёл процесс приспособления населения к жизни в новых политических условиях. Новая власть держала этот процесс под жёстким контролем, что вызвало массовые репрессии по отношению к группам населения, далёким от политики. В 1920-х годах был разработан механизм репрессивного аппарата и заложены основы функционирования системы мест заключения.

Автор сердечно благодарит сотрудников государственного архива Рязанской области (ГАРО); кандидата исторических наук П. Акульшина; кандидата философских наук Г. Мартиросяна за содействие в подготовке данной работы. Исследование проведено при поддержке Фонда им. Генриха Беля и Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал».

Примечания

¹ Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. – С. 60.

² Государственный архив Рязанской области (ГАРО).

Ф. П – 1. Оп.1. Д.70. Л. 58.

³ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 358. Л.25.

⁴ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 358. Л.22.

⁵ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 358. Л.26.

⁶ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 358. Л.25.

⁷ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 358. Л.25 – 26.

⁸ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 804. Л.12.

⁹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 76. Л.1.

¹⁰ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 358. Л.28.

¹¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 358. Л.29.

¹² ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 519. Л.1.

¹³ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д.673. Л.58.

¹⁴ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 804. Л. 16. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

¹⁵ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 804. Л. 2. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

¹⁶ В Рязани в помещении Казанского женского монастыря с 1 августа 1919 г. располагался губернский лагерь принудительных работ. ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 70. Л. 248.

¹⁷ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 117. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

¹⁸ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 107. Л 143.

¹⁹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 57. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

²⁰ Измозик В. Голоса из прошлого. Письма 20-х годов, не дошедшие до адресатов.// Наука и жизнь. – 1994 №3.

²¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 15.

²² ГАРО. Ф. П – 1 Оп. 1 Д.76 Л. 3. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

²³ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д.76. Л. 3. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

²⁴ ГАРО. Ф. Р – 2434. Оп. 1. Д. 116. Т. 1. Л 84.

²⁵ ГАРО. Ф. Р – 2434. Оп. 1. Д. 103. Л. 18, 23, 131.

²⁶ ГАРО. Ф. Р – 2647. Оп. 2. Д. 27. Л.1.

²⁷ Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. – М., 1998. – С. 62.

²⁸ Декреты Советской власти. т.1 – М., 1957. – С.232.

²⁹ Декреты Советской власти. т.5. – М., 1971. – С.12.

³⁰ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.

³¹ Декреты Советской власти. т.5. – М., 1971. – С.15.

³² ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 638.

³³ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1554.

³⁴ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1806.

³⁵ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1815.

³⁶ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 2291.

³⁷ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1. Д. 1825.

³⁸ История одной губернии: Очерки истории Ряз.края 1778 – 2000 гг./ В.С. Авдонин, П.В. Акульшин, Ю.В. Гераськин и др. – Рязань, 2000. – С. 150.

³⁹ Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957. С.324.

⁴⁰ 9 марта 1919г. вышло постановление Президиума ВЦИК «О недопустимости применения репрессий к членам партий революционных коммунистов и РСДРП интернационалистов». См.: Декреты Советской власти. Т.4. – М., 1968. – С.451.

⁴¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп.1. Д. 358(а). Л.149.

⁴² Там же Л.149.

⁴³ ГАРО. Ф. Р – 2639. ОП. 1. Д.731.

⁴⁴ ГАРО. Ф. Р – 2639. Оп. 1. Д. 424. Л. 11. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

⁴⁵ ГАРО. Ф. Р – 2639. Оп.1. Д. 379. Л. 2. Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

⁴⁶ История одной губернии: Очерки истории Ряз.края 1778 – 2000 гг./ В.С. Авдонин, П.В. Акульшин, Ю.В. Гераськин и др. – Рязань, 2000. – С. 173.

⁴⁷ Акульшин П.В., Пылькин В.А. Бунтующий пахарь. – Рязань, 2000. – С. 113-114.

⁴⁸ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л.158.

⁴⁹ Осенью 1919г. кавалерийский корпус донских казаков под командованием генерала К.К. Мамонтова совершил рейд по тылам Южного фронта Красной Армии. Передовые отряды казаков подошли к Рязанску. Отдельные стычки происходили в Рязанском, Скопинском и Михайловском уездах.

⁵⁰ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 176.

⁵¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л.231.

⁵² ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 6.

⁵³ ГАРО. Ф. П – 1 . Оп. 1. Д. 70. Л 9.

⁵⁴ ГАРО. Р – 2639. Оп. 1.

⁵⁵ Декреты Советской власти. Т.5. – М., 1971. – С.69.

⁵⁶ Декреты Советской власти. Т.5. – М., 1971. – С.174.

⁵⁷ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 248.

⁵⁸ ГАРО. Ф. Р – 2643. Оп.1. Д.116. Л.12.

⁵⁹ ГАРО. Ф. Р – 2643. Оп.1. Д.116. Л.14-74 (акт о состоянии помещений бывшего Казанского женского монастыря).

⁶⁰ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 252.

⁶¹ ГАРО. Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 249.

⁶² ГАРО. Ф. Р – 2639. Оп. 1. Д.1580. Л. 15-27.

⁶³ ГАРО. Ф. Р – 2647. Оп. 2. Д. 5. Л. 8, 11, 12, 14, 17, 18, 22, 23, 34, 44, 53, 76.

⁶⁴ ГАРО. Ф. Р – 2647. Оп. 2. Д. 8. Л. 18, 23, 31, 46.

⁶⁵ ГАРО. Ф. Р – 2643. Оп. 1. Д. 116. Л. 13.